

Когда награждение закончилось, Чжэнь Мэйли и Цзянь Цзычэн сошли со сцены.

Первым к ним с любопытством подошел Цзянь Шиву:

- Папа, мама, почему я этого не знал? Когда вы сделали пожертвование?

Чжэнь Мэйли погладила его по голове, улыбнувшись изогнутыми бровями, и сердито ответила:

- Это дела взрослых. Вам, детям, просто нужно позаботиться о своей учебе.

Шиву прикрыл голову и пробормотал:

- По крайней мере мне могли сказать.

Чжэнь Мэйли шутливо посмотрела на него:

- Ты все еще беспокоишься о деньгах.

Цзянь Шиву воскликнул:

- Не беспокоюсь.

Школа хотела показать родителям преподавательский состав школы, а ещё хотела, чтобы они посмотрели на качество еды в школьной столовой.

Тогда Цзянь Шиву узнал, что каждый класс делится на определенные зоны, и в этих зонах были разные блюда.

Лу Хэн сказал:

- Некоторые блюда там готовят женщины из столовой, а некоторые - наши родители, и приносят их сами.

Цзянь Шиву удивленно:

- Нелегко родителям готовить к спортивному дню.

- Нет.

Лу Хэн почесал голову и сказал со вздохом:

- Учитель сказал нам некоторое время назад, что родители должны принести хотя бы одно блюдо ручной работы.

Цзянь Шиву улыбнулся и сказал:

- Забудь об этом, давайте будем считать это полноценным обедом.

Они прошли в назначенное место в классе, глаза Цзянь Шиву подсознательно пронесли по толпе и вдруг он заметил проблему:

- Где Шэнь Чэн?

Лу Хэн подошел, осмотрелся и ответил:

- Я думаю, он ушел, когда вручали награды, он сказал, что у него есть дела, и, что он вернется позже.

Цзянь Шиву неосознанно нахмурился.

Честно говоря, он беспокоился о Шэнь Чэне еще во время забега, хотя все говорили, что раны Шэнь Чэна почти зажили, но, возможно, основываясь на некоторых знаниях о Шэнь Чэне из его предыдущей жизни, он мог видеть, что Шэнь Чэн в то время выглядел не очень хорошо.

Цзянь Шиву прошептал:

- Может быть, он пошел в лазарет?

Лу Хэн сначала хотел сказать, что он накручивает, но заколебался, увидев серьезное выражение лица Цзянь Шиву, но в конце концов взял его за руку и сказал:

- Раз он не сказал тебе, значит, он не хочет, чтобы ты знал.

Цзянь Шиву резко дернулся.

- Ты не знаешь характер Шэнь Чэна, он мертвецки силен.

Лу Хэн улыбнулся:

- Давайте просто подождем, пока он вернется!

Рука Цзянь Шиву выгнулась, когда его друг взял ее, и, наконец, кивнул:

- Хорошо!

Они вернулись к входу, Чжэнь Мэйли и девочки уже ждали там. В школе на этот раз помимо шведского стола подавали множество пирожных и цзунцзы всех вкусов.

У Чжэнь Мэйли было два цзунцзы в тарелке, она улыбнулась и сказала:

- Подойди сюда, сынок, и возьми те, которые тебе нравятся.

- Хорошо!

Цзянь Шиву взял несколько пирожных и вернулся в столовую, но неожиданно обнаружил, что Энни и Цяо Ань сидят в углу. На это родительское собрание пришло много родителей, были родители почти каждого, ряды были заполнены, некоторые родители смотрели, как их дети едят, и подавали блюда мимоходом, наставляя:

- Ешь больше.

Все это не является обычным явлением на Западе.

Энни сидела в углу, она грациозно двигалась со своим хлебом, презрительно смотрела на него и отводила взгляд, чтобы продолжить есть.

Цяо Ань ел свои фрикадельки, несколько эмоционально глядя на мать, помогающую ребенку ковырять рыбку щепку, и говорил:

- Как завидно, знаешь, когда мне было восемь лет, я был привередливым едоком и считал, что кусок мяса - это невкусно, и в результате отец послал кого-то присматривать за мной, и мне пришлось целых два месяца питаться хлебом.

Уголок рта Энни скривился в усмешке:

- Ну ты даешь.

Цяо Ань поднял бровь:

- Похоже, леди Элизабет была очень добра к тебе.

Энни приостановилась, на ее нежном красивом лице промелькнуло мрачное настроение, но вскоре она снисходительно подняла голову и тихо хмыкнула:

- Конечно, все, что делает моя мать, это для моего же блага.

Значит, была с ней очень строгой.

Повернув голову, она посмотрела на мать и дочь неподалеку, мать "лаяла" на нее, женщина была простого вида и одета в обычную одежду, но то, как она сидела там одна, наставляя своему ребенку, заставило Энни необъяснимо не отвести взгляд.

В трансе она подумала о своей матери.

Благородная и элегантная герцогиня Элизабет, должна была любить и ее, поэтому она всегда смотрела на нее холодным взглядом:

- Энни, ты усвоила то, чему тебя учил твой учитель этикета?

- Ты представляешь Дом герцогини Элизабет, поэтому делай все, что можешь, как можно лучше.

- Энни, не подведи меня, это все для твоего же блага.

Казалось, было много людей, которые любили ее.

Они называли ее с уважением и стекались к ней с нетерпением, славная родословная Элизабет давала ей славу и стала оковами, которые невозможно было снять. Ее мать никогда не улыбалась ей, она боролась за победу, думая, что если она победит, то будет признана и получит внимание, она скрипела зубами и пыталась удержать трофей, чтобы получить похвалу матери, но в итоге она слышала:

- Энни действительно хороша, но до дочери Эйфеля ей еще далеко.

Казалось, никто ее не любил.

Многие люди делали это во имя любви, но их глаза были настолько лишены привязанности и холодны, что это пугало ее.

Цяо Ань вгрызся в своё блюдо и поинтересовался:

- Твоя мать не пожалела времени, чтобы вырастить тебя, выражаясь китайским языком, в парче?

Длинные ресницы Энни затрепетали:

- Ну

Казалось, что она получила многое, и в то же время ничего.

Она посмотрела вниз на еду, которая более чем на полторы звезды отставала от ее обычной домашней еды, но когда она подняла глаза на матерей неподалеку, ее сердце не смогло сдержать уныние.

Цяо Ань придвинулся ближе:

- Ты тоже хочешь поесть?

Тело Энни напряглось, и благородная девочка подняла свою красивую лебединую шею и тихо хмыкнула:

- Как я могу хотеть есть что-то подобное, дитя.

- Цяо Ань, Энни! - слышался чей-то голос.

Цяо Ань помахал рукой:

- Сюда!

Цзянь Шиву сделал маленький шаг в сторону:

- Мы можем сесть здесь?

- Конечно.

Они особо не приготовили домашней еды, потому что приехали в спешке, заморозили ее дома и попросили работников столовой разогреть ее, прежде чем принести.

Цзянь Шиву положил жареную свинину в центр и щедро сказал:

- Ребята, попробуйте и вы, мамина жареная свинина очень вкусная!

Цяо Ань был самым восторженным:

- Так вкусно пахнет!

Гордость Шиву зашкаливала, когда он протянул ему кусок.

- Спасибо, брат!

Энни сидела, застыв на месте, не двигаясь, она не могла чувствовать себя в своей тарелке, как Цяо Ань, ситуация заставляла ее чувствовать себя неловко, и она уже думала о том, как найти предлог для отступления, однако, прежде чем она успела что-то сказать, рядом с ней раздался женский голос:

- Ты Энни?

Энни подняла голову, встретилась взглядом с Чжэнь Мэйли, и подсознательно кивнула.

Многие взрослые подходили к ней и раньше, в основном потому, что они боролись за интересы герцогов и хотели получить что-то от того, что будут с ней в хороших отношениях, а если учесть, что семья Цзянь тоже занималась бизнесом, то, судя по прошлому опыту, девочка уже немного привыкла к ним.

Она ждала, что Чжэнь Мэйли заговорит в обычной привычной манере, но была удивлена, когда женщина сказала:

- Ты уронила свою повязку.

Энни замерла.

Чжэнь Мэйли подняла её со стула, улыбнулась ей и сказала:

- Она?

Тонкая черная повязка для волос была в её бледной, стройной руке, и Энни почему-то начала краснеть, когда взяла ее. Опустив голову, она тихо сказала:

- Спасибо.

Чжэнь Мэйли:

- Мне помочь завязать тебе волосы?

Энни застенчиво поджала губы:

- Как неудобно.

- Чего стесняться, их тяжело завязать без зеркала самой.

У Чжэнь Мэйли была расческа в сумке, которую она носила с собой, она достала ее и заставила Энни сесть прямо рядом с собой, затем аккуратно расчесала мягкие светлые волосы, ее движения были нежными, Энни чувствовала легкий аромат, очень теплый, очень успокаивающий запах.

Когда она росла, ее мать никогда не расчесывала ее волосы.

Чжэнь Мэйли завязала ей хвост и спросила низким голосом:

- Так хорошо?

Энни было немного не по себе:

- Хорошо.

Рядом с ней Цзянь Шиву вгрызался в красное мясо:

- Мама, у тебя хорошо получается, я не видел, чтобы ты раньше завязывала кому-то волосы.

Чжэнь Мэйли в шутку возмутилась:

- У меня не было возможности! У меня же нет дочери!

Вмешался отец:

- Это правда, твоя мать хотела девочку, когда была беременна, и все время утверждала, что будет дочь, даже... кхм.

Она и ее лучшая подруга Шэнь Ютин договорились о браке детей. В результате в обеих семьях родились мальчики.

Чжэнь Мэйли одарила мужа своим взглядом и с удовлетворением сказала:

- Я прошла зависимость от дочери.

Глядя на маленькую девочку рядом с ней, которая, как казалось, была хрупкой, как кукла, Цзянь Цзычэн поддразнил:

- Такая красивая девочка-кукла у тебя в качестве дочери, ты ею воспользовалась!

Чжэнь Мэйли с улыбкой посмотрела на Энни:

- Тогда будем считать это моей наградой за то, что я расчесала тебе волосы, тебе нравится?

Энни была немного ошеломлена, слушая их разговор.

На самом деле, ее китайский был не так хорош, и она могла лишь слушать в оцепенении, хотя она не понимала, и хотя эти люди не говорили таких же комплиментов и интимных слов, как те, что были раньше, их глаза были полны дружелюбия, тепла, они были... очень нежным.

- Ммм... - Энни опустила голову и прошептала очень задыхающимся тоном: - Мне нравится.

Чжэнь Мэйли рассмеялась.

На столе было жареное свиное мясо, и несколько кусочков были положены в тарелку Энни. Чжэнь Мэйли сказала:

- Попробуй, это мое собственное домашнее блюдо.

Шиву улыбнулся Энни:

- С рисом еще лучше!

Осенним вечером температура воздуха упала, и стало прохладно, но в маленькой столовой люди все еще приходили и уходили, шумная суета, казалось, нарушала торжественность осени.

В середине трапезы вернулся Шэнь Чэн.

Цзянь Шиву позвал Шэнь Чэна к ним, а Чжэнь Мэйли даже последнюю порцию и сказала:

- Я специально припасла для тебя.

Уголки рта Шиву дернулись:

- Мама, сколько у тебя еще сюрпризов, о которых я не знаю?

Чжэнь Мэйли посмотрела на него.

Цзянь Цзычэн посмотрел на свою жену, которая была занята уходом за Шэнь Чэном, и весело сказал:

- Раньше она говорила, что ты единственный ребенок в нашей семье, но теперь все лучше, похоже, что детей уже несколько.

Шиву про себя подумал: "Попридержи коней, папа, эти люди - лучшие из лучших, мы не можем быть с ними".

Когда трапеза закончилась, пришло время фотографироваться.

У каждого класса был фотоаппарат, чтобы сфотографировать каждую семью на память, в конце концов, это очень редкое событие, в нем есть памятный смысл.

Когда подошла очередь Цзянь Шиву, он и его родители позировали перед кафетерием под подставкой из дерева вутун, фотограф уже собирался нажать на спуск затвора, как вдруг Чжэнь Мэйли сказала:

- Подождите минутку.

Вокруг суетились люди, дети и родители с улыбками на лицах, и посреди всей этой суеты был еще один тихий уголок.

Цзянь Цзычэн махнул рукой в ту сторону, позвав Шэнь Чэна:

- Сынок, иди сюда.

Подросток, сидевший чуть поодаль, поднял голову, и прежде, чем он успел отреагировать, Цзянь Шиву уже подбежал к нему рысью, пыхтя, с большими блестящими глазами:

- Может, сфотографируемся вместе?

Во всем классе было только трое детей, которые остались одни.

Цзянь Шиву потянул Шэнь Чэна за собой, Чжэнь Мэй отошла на несколько шагов, оттащив двух учеников-переводчиков одного за другим в сторону, устроив их стоя, Энни с трудом поправила волосы, ее светлое лицо покраснелось, Цяо Ань также не проявил обычного радушия, даже если он был медлителен, он понимал значение этой групповой фотографии, и даже застегнул воротник школьной формы, когда другие не заметили.

Фотограф несколько нерешительно посмотрел на аккуратно расставленных шестерых человек:

- Это... тоже дети вашей семьи?

Цзянь Цзычэн улыбнулся и кивнул:

- Да.

Как раз в тот момент, когда фотограф собирался сделать фотографию, Лу Хэн подбежал к ним, его лицо сияло от радости:

- Позвольте мне сфотографироваться с вами!

Шиву помахал ему рукой и указал на другое свободное место рядом с ним:

- Давай!

Фотограф поправил свое положение и проговорил:

- Улыбнулись и говорим "Сыр"!

- Сыр!

Всем тут же стало весело, а когда раздался щелчок фотоаппарата, школьный звонок прозвенел как раз вовремя, оставив четкую печать в старых добрых днях юности.

<http://bllate.org/book/12636/1120707>